

Диана ГАСПАРЯН*

О ВСЕГДА УЖЕ ВЫРАЖЕННОМ НЕВЫРАЗИМОМ**

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-4-146-156.

ВВЕДЕНИЕ: ФИЛОСОФИЯ В ПОИСКАХ СВОЕГО ПРЕДМЕТА

Размышление Юлии Горбатовой, на первый взгляд, ограничивается рамками вопроса о том, в какой степени язык выражает то, что предположительно существует вне языка. Например, в какой степени язык выражает мысль? Или в каком смысле язык описывает предмет? Нужно ли отрывать язык от мысли? Эта проблема является одной из самых обсуждаемых в философии, и по ее поводу уже накопилось, как это часто и бывает в связи с той или иной философской дискуссией, обширное собрание теорий и подходов.

Но я бы хотела поднять вопрос, поставленный Юлей, чуть шире. Мне кажется, что интуиции, Юлей обнаруженные, имеют отношение не только и не столько к языку, сколько к философии в целом. Что выражает философия? *О чем* говорит философ и его философская теория? Разве философия занимается кодификацией вещей и явлений мира? Интересуется ли она законами природы, пусть даже самыми что ни на есть фундаментальными? Вспоминаются слова Хайдеггера о том, что «философия не интересуется ничем из сущего» (Хайдеггер, Черняков, 2001: 67). Именно поэтому подавляющему большинству людей, в том числе и самим философам, если только их сознание не переключено с режима обыденных установок в режим особой философской (феноменологической, трансцендентальной) рефлексии, так сложно объяснить, чем занимается философия. Ибо многое из того, что может быть предложено философу в качестве предмета изучения, он будет разочаровано игнорировать. Философ не готов изучать объекты природы, равно как артефакты культуры, работу психики, устройство машин и принципы

*Гаспарян Диана Эдиковна, доцент школы философии, старший научный сотрудник Научно-учебной лаборатории трансцендентальной философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва), anaid6@yandex.ru.

**© Гаспарян, Д. Э. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

организации языков. Ничто вещественное не составляет предмет его интереса. Но также многое из абстрактного не может увлечь его в должной мере. Числа, фигуры и математические законы не есть то, чем занимается философ. Художественные образы также оказываются вне зоны его непосредственной профессиональной заинтересованности. Культура, политика, общественные процессы могут захватывать его как человека и личность, но не составляют *предмета* его профессиональной работы. Философ — не ученый, не художник, не писатель и не общественный деятель. Вернее, всеми названными областями он вполне может быть увлечен и как философ, но только не с точки зрения самих этих вещей и явлений, как неких позитивных сущностей, а с точки зрения того, что позволяет этим сущностям объективироваться, явиться, но само не является чем-то объективированным или явленным. Тогда получается, что философ в своей профессиональной работе как раз и направлен к тому, что Юля назвала невыразимым. Не является ли «предметом» философии нечто «беспредметное», а значит затрудненное в своем выражении? Предпринимая подобные поиски, философы часто ведут себя так, будто миром, который нам дан, дело не ограничивается. Миру явно чего-то недостает, и в то же время то, что мы воспринимаем его, что-то в нем понимаем, а главное, догадываемся о нехватке, указывает на то, что искомое *ближе, чем мы думаем*. Но как бы то ни было, философы по большей части интересуются тем, чего в мире нет, а не тем, что есть.

Суть этой удивительной работы может быть выражена в следующей формуле: философ действительно занимается чем-то скрытым (и потому невыразимым — по крайней мере, на привычном языке), только скрыто оно *не вне нас, а в самих нас*. Если посмотреть на мир определенным способом, то можно попасть как бы в зазеркалье реальности, можно попасть *туда, где мир еще только собирается стать миром*, в его мастерскую или лабораторию. Благодаря этому измерению мир складывается до завершенной формы, как цельный рисунок мозаики, которому недоставало нескольких деталей. Эта цельность имеет маленький секрет: рисунок на фронтальной стороне нашего пазла может показаться бессмысленным изображением, но ключ к его пониманию содержится на оборотной стороне пластин, которые, сложенные вместе, образуют вполне осмысленное сообщение. Хитрость всей конструкции в том, что рисунок, развернутый в зримой реальности, собирается не по той логике и принципам, которые мы видим, а по тем, которые скрыты на обороте. Тогда рецепт познания от философа мог бы звучать примерно так: чтобы понять устройство мироздания, нужно дополнить

его скрытыми измерениями до цельной и связной полноты, упорядочив бессвязные элементы в соответствии с инструкцией, прописанной на обратной стороне.

Конечно, сделать это не так просто. Большую часть времени мы проживаем в мире уже готовых изделий, и мало что знаем о том, как они изготавливались. Вопросами производства интересуется и наука, но ее интересуют немного другие лаборатории, те, которые расположены *внутри* мира, в то время как философ заходит в своем любопытстве так далеко, что иногда вынужден *как бы* покидать границы мира, хотя, конечно, никуда дальше самих границ он уйти не может.

КАК ПОНИМАТЬ НЕВЫРАЗИМОЕ

Но что значит, что философ интересуется не-сущим (в терминах Хайдеггера), которое в силу его не-сущности можно заподозрить в невыразимости (в терминах Горбатовой)? Вначале определим, что значит «невыразимое». Это то, что не может быть выражено позитивно, т. е. через утверждение (имеется в виду логическое утверждение, пропозиция, которое остается утверждением и в случае отрицательной формулировки). Иными словами, не могущее быть выраженным в таком виде, где есть субъект и предикат. Где есть возможность выделить род и вид, отделить одно от другого, дать о-пределение. Везде, где мы сталкиваемся с трудностями порождения подобных формулировок, мы говорим о невыразимом. А таких «невыразимостей» немало. Например, как определить, что такое пространство и время? А реальность? Какие определения можно дать «существованию», «бытию», «миру»? Как отвечать на вопрос «что такое знание»? И уж, конечно, вопрос «что есть истина» трудоемок не только для искателей религиозных открытий. Но в отношении этих невыразимостей мы также очень хорошо знаем одну любопытную вещь, подмеченную Сократом и послужившую началом философии. Мы не можем выразить эти понятия, но они не тождественны чему-то чуждому, категорически непонятному, что никогда не сможет быть прояснено, ибо оно чужеродно нашей мысли. Это не какие-то загадочные письмена, это не шифровка и не иноприродная нам реальность. Я не могу их выразить не потому, что они чересчур непонятны, а потому, что они слишком понятны. Они в буквальном смысле таковы, что *понятнее уже некуда: мне некуда идти*, чтобы сделать их еще понятнее. Кроме того, куда бы не пал мой взор в мире, везде я замечаю выполненность понимания этих странных сущностей. Я понимаю, что мой стол пространственен, но я не понимаю, что такое

пространство; я понимаю, что я пишу этот текст во времени, но не спрашивайте меня, что есть время. Я знаю, что мир *есть*, но я не знаю, что это значит, что он *есть*.

КАК ПОНИМАТЬ НЕ-СУЩЕЕ

А что означает, что философ интересуется *не-сущим*? Когда мы смотрим на самую обычную чашку, почти никто из нас не сомневается в том, что видит. Однако философ, разглядывающий чашку, непременно задумается над тем, что то, что мы привычно считаем «чашкой», является также облаком частиц, скоплением атомов или пакетом волн. Именно они здесь присутствуют в качестве реальных — ведь они тоже имеют определенную форму, размер, вид и т. д. Не получается ли тогда, что никакой «чашки» на столе и нет, — это я как наблюдатель привык называть данное облако частиц чашкой и использовать его привычным способом: наливать туда свежесваренный кофе. Но, конечно, и кофе — это не совсем кофе, и ложечка, которой я помешиваю напиток, и даже мое тело, куда я с удовольствием вливаю горячую жидкость, являются совсем другими объектами, отличными от тех, к которым я привык в моем человеческом обиходе. И ложечка, и кофе, и тело есть, например, скопление атомов, или пакет волн. Я могу посмотреть на ложечку в специальные очки, и ложечка исчезнет, а на ее месте появится облако из вальсирующих атомов. Но, конечно, можно предположить, что и «облако частиц» тоже не является последним в ряду объектов, которые есть *на самом деле*. Особенность философского взгляда заключается в том, что философ как бы видит сквозь предметы, в его глазах все сущее распадается на составляющие части: если угодно, пока остальные видят красочную заставку на мониторе, философ видит пиксели. Обратная ситуация тоже возможна — при высоком разрешении, предполагающем, что сейчас обычный человеческий глаз будет видеть лишь пиксели, философ изо все сил будет стараться стянуть бессмысленные точки в осмысленную картину. Общим в подобной оптике будет то, что она не ограничивается очевидностью доступных глазу образов, но допускает: то, что нам «дано», возможно, есть лишь «видимость». Вместо изображения Моны Лизы можно увидеть штрихи, мазки и черточки, нанесенные масляной краской на полотно. А вместо крохотной снежинки — целый дворец со сложнейшей архитектурой фрактала. Надо сказать, что и ученый видит мир примерно так же: физик наливает кофе в пространственно-временной континуум, а химик утоляет жажду

формулой H_2O . Отличие философа от химика на этом уровне заключается лишь в том, что ученый не будет слишком углубляться в вопрос о том, что есть на самом деле — «чашка» или «облако частиц»; какой объект является иллюзорным, а какой настоящим. Возможно, он также не станет драматизировать и глубоко задумываться над тем, что и «пиксели-атомы» суть только то, что кажется, и нужно идти дальше в установлении уровня реального существования. Вероятно, ученый не станет разбираться в том, что в восприятии предмета связано сугубо с системой самого восприятия, а что есть само по себе независимо от этого восприятия. Но, самое главное, он не станет специально разбираться с вопросом «что значит существовать на самом деле, если все, что мы видим, можно рассмотреть как иллюзию, изображенную красками на полотне?».

Итак, ключевые философские вопросы зачастую берутся из этой способности к проникающему за пределы сущего взгляду. Часто они перерастают в собственно философские проблемы — например, когда философы искренне интересуются, какого цвета стена, когда на нее никто не смотрит, да и есть ли сама стена в отсутствие наблюдателей. Все эти вопросы берутся *из первой и важнейшей способности философа судить о мире с точки зрения того, чего в нем нет* (философы часто определяют эту способность как «ставить мир-бытие под вопрос» (М. Хайдеггер). Очевидно, что в мире есть чашки и кофе, в конце концов, в нем есть также пиксели, краски и бумага, но в нем *нет оснований* для того, чтобы подозревать, что за всем тем, что дано, есть также то, что не дано. Когда мы наливаем кофе в чашку, нужно несколько изменить привычный взгляд на вещи, чтобы вдруг засомневаться в том, что мы сейчас действительно держим в руках (да и в руках ли?). Для этого нужно уметь посмотреть на мир так, как будто мы из самого этого мира вышли и смотрим на него извне: откуда-то сбоку или сверху, кому как больше нравится. И, несмотря на то, что, приложив некоторое усилие, мы можем начать видеть мир из такой перспективы (и в этом смысле все люди немного философы), можно также заметить, что мир нас к этому не вполне подталкивает: вещи, которые мы видим каждый день, слишком наглядны и убедительны, чтобы заподозрить в них видимость. И поэтому можно сказать, что способность философа к проникающему взгляду есть результат немного детского желания высунуть голову из мира и посмотреть на него со стороны. В этом смысле начальным толчком к занятиям философией служит особое интуитивное чувство, что наблюдаемым миром дело не заканчивается —

возможно, за ним есть что-то еще, а если даже и нет, то нам все-таки надо сбежать из этого мира ненадолго, чтобы в этом убедиться. Ну и, как догадается внимательный читатель, то обстоятельство, что мы вообще можем ввязаться в этот спор, уже указывает на то, что мы отошли от мира чуть в сторону: как выбывший из игры или, наоборот, еще не начавший играть ребенок, наблюдающий за группой своих увлеченных сверстников.

ТРАНСЦЕНДЕНТНОЕ СКРЫТО ВНЕ НАС,
А ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЕ — В НАС

И, наконец, поясним обозначенную выше формулу: есть что-то, что скрыто вне нас¹, а есть что-то, что скрыто в самих нас. По-видимому, то не-сущее, которое есть невыразимое, не есть нечто потустороннее (называемое в философии трансцендентным); оно есть нечто наиболее близкое, почти интимное, хорошо понимаемое и интуитивно схватываемое, хотя и не объективируемое в качестве внешних и наблюдаемых вещей. Оно, действительно, скрыто, но скрыто в нас самих (есть то, что в философии принято называть трансцендентальным). По-видимому, философия, чье назначение в том, чтобы выведывать невыразимое и как-то говорить о нем, начинается с одного довольно неочевидного понимания: у мира, в котором мы пребываем *с самого начала*, есть некие условия выполнимости. Это не условия, которыми занимается наука, ибо наука занимается внутримировыми условиями мира. Фундаментальные законы физики — это законы внутренней организации мира, в то время как философ интересуется не результатом, а тем, что его приуготовило. Но все, что есть в мире, — в мире просто есть. Тогда философ, заинтересованный в том, чтобы понять, как сделан этот мир как мир, вынужден обращаться к миру извне, из некоего не-сущего. Но это не значит, что человек конкурирует с Богом. Скорее, он интересуется собой, пытаясь понять, какое место он сам, созерцающий картину, занимает в картине мира. Смотрит ли он на картину извне, как теологический субъект, как божественный наблюдатель? Видимо, нет, т. к. если он действительно Бог — он ничего не увидит в этой картине. Если мы смотрим из *другого* мира, то мы никогда не увидим *этот* мир. Смотреть *из* мира, по-видимому, нельзя. Можно смотреть *внутрь* мира, который всегда есть свой бесконечный мир, выйти из

¹Вероятно, тем, что находится вне нас, интересуется скорее мистик, а тем, что в нас — философ.

которого не получится. И потому разные миры не сообщаются между собой, поскольку если «миры» сообщаются, то они всегда уже являются частью одного мира. Значит, если я вижу картинку, если я вижу мир, то это мой мир, я расположен в нем, я не нависаю над ним, мое уютное кресло наблюдателя не расположено в другой вселенной, мое кресло расположено здесь, оно как-то принадлежит этой картинке. Это мой мир, но я сам в нем не проживаю. Я не могу себя в нем обнаружить на правах вещей и явлений, которые, по-видимому, как-то связаны со мной.

Почему я имею право подразумевать эту связь? Во-первых, в силу классических для философии аргументов: есть основания подозревать, что наблюдатель наблюдает мир так, как может, а не так, как ему предписывается миром. Мы связаны с миром очень прочно, хотя, возможно, не совсем оправданно говорить об этой связи как итоге встречи. В той мере, в которой мир не может быть мной покинут, это мой мир, всегда воспринимаемый так и никогда по-другому. Во-вторых, есть удивительное обстоятельство легкости освоения того мира, в котором мы пребываем. Он весь соткан из непонятностей и неизвестностей, он кажется закрытой книгой и, вместе с тем, все самое непосредственное в нем мною уже схвачено. С какого момента я бы не начинал понимать мир и как много непонятого перед мной не представляло бы, я всегда нахожусь в ситуации, когда что-то *уже* понято. Я не помню и не знаю, когда и как это могло случиться, но данный факт есть тот, который всегда ставит меня перед собой. Например, я понимаю, чего я не понимаю в мире, но я понимаю, что это есть мир, я понимаю, что он мне дан, я почему-то понимаю себя в мире и понимаю свою отделенность от него. Сознание стремительно осваивается в мире и присваивает себе мир: конкретика мира чужеродна, но существование мира кажется само собой разумеющимся. Поразительная подогнанность осознанности мира к миру (в самых общих чертах) может сигнализировать о неслучайной связи сознания и мира.

Приведу цитату из Хайдеггера:

Возможно, помимо сущего ничто иное не есть, но, возможно, дано (es gibt) кое-что еще, что, правда, не есть, но, тем не менее, в некотором смысле, который еще предстоит определить, дано. В конце концов дано нечто такое, что должно быть дано, дабы мы получили доступ к сущему как сущему и могли бы с ним соотноситься, нечто такое, что хотя и не есть, но должно быть дано, для того чтобы мы вообще переживали в опыте и понимали нечто такое, как сущее. Мы способны схватывать сущее как таковое, как сущее, только если мы понимаем нечто такое, как бытие. Не понимай мы,

пусть поначалу грубо и без соответствующего понятия, что означает действительность, действительное осталось бы для нас скрытым. Не понимай мы, что означает реальность, реальное было бы недоступным. Не понимай мы, что означает жизнь и жизненность, мы не могли бы отнестись к живому как живому. Не понимай мы, что означает постоянство, для нас оставались бы закрытыми постоянные геометрические и числовые соотношения. Мы должны мочь понимать действительность до всякого опыта действительного. Это понимание действительности, соответственно, — бытия в самом широком смысле — в противоположность опыту сущего есть в некотором определенном смысле более раннее. Предварительное понимание бытия до всякого фактического опыта сущего не означает, правда, что мы должны прежде уже иметь некоторое эксплицитное понятие бытия, дабы состоялся теоретический или практический опыт сущего. Мы должны понимать бытие, бытие, которое само больше уже не может быть названо сущим, бытие, которое не находится среди прочего сущего как сущее, но которое, тем не менее, должно быть дано и в самом деле дано в понимании бытия, в бытийной понятности (Хайдеггер, Черняков, 2001: 45).

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОСТЬ СОЗНАНИЯ

Я думаю, что одним из самых ярких примеров этой модели невыразимости является работа сознания. Сознание человека как раз и есть та инстанция, где сказанное раскрывается в полной мере. Сознание формирует мир и открывает для себя этот мир, но само в мир не попадает. Оно дает увидеть физические вещи, но ценой принципиального невещизма сознания. Оно позволяет мыслить предметы, но за счет парадоксальной непредметности сознания. Оно порождает знание, укладываемое в теории, но само лечь в основу теории не может. Сознание есть тот свет, который позволяет увидеть все, сам оставаясь невидимым. Невидимость и непредметность и означают в данном случае невыразимость. Получается, что все самое важное есть то, что есть мы сами и что сокрыто в нас. Но в той мере, в которой объект мыслится как то, что может быть отделено от нас и расположено вне нас, систематическое запутывание в парадоксах при попытках выстроить теорию сознания становится вполне понятным обстоятельством. Сознание, которое объективирует вещи, не может одновременно объективировать и объективироваться. Нельзя наблюдать и наблюдаться. Трансцендентальная природа сознания и сам принцип трансцендентальности определяется этой удивительной и вместе с тем очень простой диспозицией: сама природа наблюдения состоит в том, чтобы систематически упускать из поля

наблюдения точку, с которой ведется наблюдение. Наблюдение, формирующее картину, не является частью картины в качестве изображенного на ней. Но наблюдение присутствует в картине как то, без чего эта картина не была бы возможна. Если угодно, оно при ней, но не в ней.

У той реальности, которую мы наблюдаем, есть условия, которые сами не принадлежат наблюдаемой реальности. Именно поэтому о них нельзя составить предметного знания — теории. Но при этом то, что не подлежит опредмечиванию (и по поводу чего нельзя иметь теории), является, своего рода, ближайшим (не вынесено куда-то вовне как некое трансцендентное), поскольку является структурным условием всего сущего и организует наблюдаемую реальность. Подобное условие (в терминах классической трансцендентальной философии «условие возможности») обязательно присутствует во всех мыслительных построениях, но не может быть схвачено объективно: в качестве предмета, значения или общего понятия.

О ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОМ ВООБЩЕ

Трансцендентализм утверждает, что мир устроен так, что данное нам всегда есть результат или следствие некоторых системных требований к организации реальности, которые сами этой реальности не принадлежат и найдены в ней быть не могут. То, посредством чего реальность организуется, не есть часть реальности. Важно понимать, что это правило работает безотносительно к тому, кто или что выступает организатором существующей реальности. Если мир как-то задан, то фундаментальные структуры этой заданности не будут принадлежать миру — по крайней мере, на тех же условиях, на которых существует то, что задающими структурами порождается. Структурная изнанка мира не будет частью мира и не сможет быть найдена внутри самого мира. Это как раз те принципы сборки мозаики, которые расположены на ее обратной стороне. При этом, может быть, и не обязательно связывать эту организующую активность с субъектом и его сознанием, как это традиционно принято делать в различных версиях философии субъекта. К примеру, трансцендентализм кантовского типа привяжет наличие системных требований формирования реальности к субъекту, и поэтому, если использовать витгенштейнианскую терминологию, субъект не будет частью мира — нигде в мире философского субъекта нет. Но эта

привязка, по-видимому, не обязательна². Так, в платоновской, или той же витгенштейнианской философии системные требования не привязаны к случайному и потенциально исчезающему субъекту, они суть объективные условия мира, но так же не проявлены в нем. Таковы, например, ценности у Платона и логика у Витгенштейна. Они — это те структуры, через которые и в которых сбывается мир, но они не встречаются в мире так же, как прочие объекты или факты. В этом тезисе только и состоит главный принцип трансцендентализма, который может быть представлен как в версии удвоенной онтологии (кантовский трансцендентализм), так и в версии однородной (платоновский трансцендентализм). Об этих структурах нельзя сформировать предметного знания, им нельзя дать определение (Платон) и о них нельзя сказать, но их можно показать (Витгенштейн)³. При этом важно, что они не являются чем-то неизведанным или скрытым. Напротив, они даны непосредственно и хорошо нам известны; скорее, они сугубо функциональны и операциональны — они позволяют собой пользоваться, но не допускают предметного схватывания, объективации, которая позволила бы говорить о них от третьего лица или сделать их всеобще наблюдаемыми. Структуры, о которых идет речь, всегда даны в режиме «как», но не в режиме «что». Киномеханик, который прокручивает ленту в кинотеатре, не может появиться в самом фильме на правах персонажа или участника. Равно как мы не должны видеть пленку, если хотим смотреть фильм. Иными словами, правила, организующие мир, в самом мире не представлены, и в этом смысле невыразимы.

²Вместе с тем, если принимать во внимание, что сочетание таких свойств, как «необъективируемость» и «непосредственная данность» является критерием трансцендентальной структуры, то тот факт, что философский субъект напрямую подпадает под эти характеристики, позволяет считать его природу трансцендентальной, а именно предположить, что мир индуцируем субъектными структурами, как это и предполагается в классической философии субъекта.

³Приписывая Витгенштейну трансцендентализм, я должна сделать оговорку, к которой меня неоднократно призывала С. В. Данько. Витгенштейн, в отличие от Канта и других классических философов трансцендентализма, вероятно, не готов ни к каким комментариям в адрес трансцендентального. Например, субъект, объявленный Витгенштейном «границей мира», более никак им не характеризуется. Его кредо — минимум уточнений в адрес того, что по правилам не должно проговариваться (иначе оно попадает в мир фактов). Возможно, позиция Витгенштейна является самой последовательной из всех трансценденталистских интуиций, известных в западной философии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: МЕСТО, С КОТОРОГО ВИДЯТ,
УВИДЕНО БЫТЬ НЕ МОЖЕТ

Но как раз эти правила и есть то невыразимое, о котором, как мне кажется, предлагает подумать Юля. Невыразимость эта вдвойне парадоксальна — она не просто невыразима, она самопонятна, но невыразима в своей самопонятности. Она всегда уже разыграна миром, она здесь — в вещах, словах и мыслях. И она нигде *посреди* вещей, слов и мыслей (как еще одна вещь, слово или мысль). Она слишком везде, чтобы быть только здесь. Она не может стать перед нами и про-явиться как предмет для нас, поскольку все остальные предметы выражаются с ее помощью. Но нельзя выразить то, с помощью чего выражается все остальное. Остается только быть тем, о чем мы ничего не знаем.

ЛИТЕРАТУРА

Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии / пер. с нем. А. Г. Черныкова. — СПб. : Высшая религиозно-философская школа, 2001.

Gasparyan, D. E. 2018. "O vseгда uzhe vyrazhennom nevyrazimom [On the Inexpressible, Which Is Always Already Expressed]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics] II (4), 146–156.

DIANA GASPARYAN

ASSOCIATE PROFESSOR; SENIOR RESEARCH FELLOW AT THE LABORATORY OF TRANSCENDENTAL PHILOSOPHY, NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, MOSCOW

ON THE INEXPRESSIBLE,
WHICH IS ALWAYS ALREADY EXPRESSED

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-4-146-156.

REFERENCES

Khaydegger, M. [Heidegger, M.] 2001. *Osnovnyye problemy fenomenologii* [Die Grundprobleme der Phänomenologie] [in Russian]. Trans. from the German by A. G. Chernyakov. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola.